

**ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
НА «БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»¹**
**Большой толковый словарь русского языка / Сост. и
гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 1998. — 1536 с.; он же
с исправлениями 2000–2007; он же под измененным
издательством названием «Новейший Большой толковый
словарь русского языка. СПб — М., Рипол — Норинт,
2008; Большой толковый словарь русского языка,
с изменениями и дополнениями 2010 г.**

В конце XX в. в отечественной лексикографии сложилась удивительная ситуация: в стране, претендующей на одну из ключевых ролей в мировом культурном и научном процессе, регулярно издавался один-единственный толковый словарь национального языка — словарь С. И. Ожегова. Между тем нельзя сказать, что в России не существовало полных словарей современного русского литературного языка, — в этой роли выступали многотомные издания, подготовленные в середине XX в. в Словарном секторе Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне — Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН).

Словарь Ожегова был относительно доступен и потому популярен. Конечно же, большинство квалифицированных гуманитариев понимало, что словарь Ожегова не является достаточно полным справочником по русскому языку. Более того, к середине 1980-х гг. стала очевидной его недостаточность даже в качестве подробного учебного словаря (например, для чтения художественной литературы XIX–XX вв.)². Однако эти проблемы открыто не обсуждались, а

¹ Компьютерная версия АБВУД Lingvo x5, 2011. Интернет-ресурсы: <http://www.gramota.ru/slovari> Большой толковый словарь русского языка (2009): <http://www.lingvodics.com/dics/view/Russian+Monolingual> Большой толковый словарь русского языка (2010).

² С 1992 г. начал издаваться увеличенный до 80 тыс. слов «Толковый словарь русского языка», в котором Н. Ю. Шведова вполне обоснованно выступила как соавтор С. И. Ожегова

лексикографов, которые бы решились на разработку нового одно-томного или многотомного издания не было. Специалисты знали, что многотомные словари русского языка создаются в Ленинграде, а однотомный словарь — в Москве. Так повелось от века, и никто не покушался на сложившийся порядок. Существовавшее положение закрепилось в постулате об исчерпывающей достаточности триады толковых словарей: словарь большого типа (БАС), словарь среднего типа (Словарь Ушакова, МАС) и словарь малого типа (его место занял Словарь Ожегова). Триада существовала, но даже русисты редко пользовались многотомными академическими словарями по причине незначительности их тиражей.

Всю вторую половину XX столетия словарь Ожегова занимал исключительное положение в сегменте однотомных языковых справочников (всего за 50 лет было выпущено более 20 изданий словаря, а суммарный тираж составил более миллиона экземпляров). Однако на рубеже веков появилось несколько новых однотомных толковых словарей. В их числе «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (СОШ), «Большой толковый словарь русского языка» (БТС) и «Современный толковый словарь русского языка» (СТС).

Основа БТС создавалась в 1990–1992 гг. Ядро коллектива составили сотрудники Словарного отдела ИЛИ РАН под руководством С. А. Кузнецова. К этой работе привлекались специалисты Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

БТС первоначально задумывался как «Толково-энциклопедический русский словарь» (ТЭРС), в котором приемы классической толковой лексикографии сочетались бы с краткими энциклопедическими справками и энциклопедическими словарными статьями, описывающими понятия, явления, процессы, персоналии. В середине 1989 г. началась работа по проектированию конструкции справочника и созданию инструкции пор составлению словаря. Были разработаны технологические схемы работ и правила реструктуризации словарных статей других словарей в форматы ТЭРС. Согласно замыслу, в основу ТЭРС должны были лечь не только материалы картотек, но и тексты словарей, созданные в Словарном отделе, а также энциклопедические сведения, подготовленные ведущими гуманитариями Санкт-Петербурга. Новизна проекта заключалась в самой идеологии словаря, в новой структуре словарных статей, в оригинальном расположении материала внутри словарной статьи, в новом подходе к тексту толкований, в разработке и освоении компьютерных технологий необходимых при создании словарей большого объема. Работа над текстом ТЭРС, начавшись в

1990 г., продолжалась до 1992 г. К этому времени ТЭРС существовал в бумажной и частично в компьютерной форме, а большая и сложная работа по сведению толковой и энциклопедической частей словаря и редактированию всего текста еще только начиналась.

Задача Словаря — показать современное состояние словарного состава русского литературного языка, представив с необходимой полнотой лексическое воплощение понятийной картины мира. В те годы подобная задача оказалась не решаемой из-за коренных политических, экономических перемен и социальной катастрофы, постигших Россию. Все это повлекло за собой глубокие изменения в лексическом составе и идейно-понятийной структуре языка.

С середины 1992 г. начался новый этап работы над словарем, который вернул его в русло академической лексикографии. Несколько лет ушло на то, чтобы заново подготовить и ввести в компьютерную базу данных большое количество словарных статей, включая статьи, описывающие неологизмы.

Были пересмотрены принципы семантической характеристики слова и иллюстрации толкований, изменены количество и структура стилистических помет, их соотношение друг с другом, уточнены правила описания фразеологии, изменены правила описания залоговых форм глагола, была упрощена характеристика синтаксического управления слова, усовершенствована структура отсылочных словарных статей, сокращена доля энциклопедической информации, а текстовая БД заново структурирована. Это привело к необходимости коренного пересмотра всего текста словаря и унификации отдельных его частей. Использование компьютерных технологий позволило провести все эти работы за пять лет. После целого ряда последовательных структурных и содержательных изменений к середине 1997 г. прежний текст ТЭРС был значительно преобразован. В результате получился словарь, который при издании будет назван его настоящим именем — Большой толковый словарь (БТС).

Принципы, положенные в основу словарного описания лексики в БТС, полностью согласуются как с принципами академических словарей — Малым академическим словарем³ (МАС) и Большим академическим словарем⁴ (БАС), так и с традициями академической лек-

³ Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Тт. I–IV. М., 1957–1961; Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой, 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

⁴ Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1–17. М.; Л., 1948–1965; Словарь современного русского литературного языка в 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. Тт. I–VI. М., 1991–1993.

сикографии в целом. Тексты МАС и БАС, взаимно использованные при их переиздании, привлекались и при первичной подготовке БТС. Сказанное не означает, что БТС лишен самостоятельности. Словник БТС превосходит оба многотомных академических словаря, изданных в СССР, но по всем другим существенным лексикографическим признакам БТС является их преемником. Это подтверждается как формальными так и содержательными свойствами БТС.

Во-первых, все три словаря объединены одной научной школой и одной научной базой. В БТС использована фундаментальная картотека Словарного отдела ИЛИ РАН, содержащая подробные сведения о лексике русского языка. Ее цитатные материалы составляют важный слой культуры, поскольку классические тексты (фольклорные, художественные, публицистические, научные и т. п.) представляют собой накопленный интеллектуальный потенциал нации.

Во-вторых, общими научными принципами. Наиболее важными из них являются: учет исторической перспективы при оценке степени устойчивости и распространенности языковых фактов, широкое понимание современности при определении языковой нормы и полнота описания лексики, задаваемая текстами русской классической литературы.

В-третьих, общим фондом словарных описаний, что выразилось, в частности, в последовательном сохранении удачных толкований (т. е. лаконичных и ясных) и выработке новых с использованием общих правил. При этом в Словаре соблюдено последовательное и подробное описание русской лексики, ее значений, дана морфологическая, стилистическая и синтаксическая характеристика слов. Следование традициям академической лексикографии позволяет говорить о том, что БТС вместе с МАС и БАС составляет логически полную триаду словарей: многотомный — четырехтомный — однетомный.

Лаконизм однетомного издания побудил искать оригинальные способы подробного лексикографического описания. Результаты этих поисков воплощены в настоящем Словаре.

Существует минимальное описание лексического состава языка — это орфографический словарь. А вот верхний предел описания — полный словарь-тезаурус для живого, активно развивающегося языка, по-видимому, создать невозможно (во всяком случае в бумажном виде). Опыт такого словаря — академический «Словарь русского языка» под редакцией А. А. Шахматова доказывает теоретическую и практическую неосуществимость такого грандиозного замысла.

В этой связи можно утверждать, что мастерство лексикографа сказывается в умении создать такую конструкцию словаря, которая

позволяет ограниченное пространство книги последовательно насытить максимально подробной языковой информацией. Удачная конструкция словаря — это всегда компромисс, направленный на достижение соответствия между выбранными средствами и заявленными целями. К компромиссным решениям такого рода относятся решения о хронологическом срезе словарного описания, правилах размещения лексических единиц, способах описания словарных материалов, объеме орфографической, грамматической и семантической характеристики слов, приемах иллюстрирования и др. Например, если принимается решение о совмещении большого словника с небольшим объемом словаря, то неизбежным следствием такого решения должно быть введение строгих ограничений на объем иллюстративного материала и т.п. Есть и другие зависимости, коренным образом влияющие на конструктивные особенности словарного описания. Рассмотрим с этой точки зрения принципы построения и структуру БТС более детально, акцентируя внимание лишь на тех компонентах словарного описания, которые отличают этот словарь от других однотомных словарей.

Даже с формальной точки зрения БТС представляет собой новый для отечественной лексикографии тип полного однотомного справочника, которого до сих пор у нас не было. Одним из центральных отличий БТС от СОШ является понимание языковой нормы. В БТС при описании норм русского языка весь период от Пушкина до наших дней признается актуальным, поэтому БТС является словарем, регистрирующим факты литературного языка. В БТС как и во всех толковых словарях академического типа описываются не только основные значения слов, но и те, которые обычно пропускаются словарем Ожегова. Эта, на первый взгляд, малосущественная разница в принципах и задачах описания лексики приводит к значительным содержательным различиям. В частности к тому, что БТС с его полным и подробным описанием русской лексики следует определять как справочное издание академического типа, а знаменитый и авторитетный словарь Ожегова (и СОШ) при всех его безусловных достоинствах и очевидных заслугах — нет. Все версии ожеговского словаря дают нормативную, предписывающую характеристику слову (по принципу: употребляйте слова так, как указано здесь). В БТС слова получают констатирующую, регистрирующую характеристику (т.е. слова, приведенные в словаре, используются образованными людьми в своих письменных и разговорных текстах так, как указано здесь).

Вместе с тем однотомный словарь — едва ли не самый трудный жанр в системе толковых словарей общего типа. Компактность словаря

влечет за собой компромиссы, имеющие по осям актуальность — нормативность — всеобщность — иллюстративность как сильные, так и слабые стороны. Удел любого толкового словаря — соблюдать баланс между описанием языковой действительности, выработкой нормативной перспективы для актуальной лексики и последовательным толкованием лексического состава языка как структурного явления. Существует также проблема верификации устаревших и просторечных значений, возникающая из-за отказа от цитирования в целях экономии места, принятом в однотомиках. Есть и другие проблемы, связанные с конструктивными особенностями однотомичного словаря.

БТС включает в свой состав как слова и значения, кодифицированные уже академическими словарями (в том числе и словарями новых слов и значений), так и те из них, которые по каким-то причинам не вошли в предшествующие лексикографические издания.

Слова со сниженной стилистической окраской постепенно стали переходить из разряда ненормативной лексики в лексический разряд, лежащий на далекой периферии литературного языка. Авторы чутко уловили эти изменения и отразили их в словнике СТС.

Речь идет преимущественно о лексике обиходно-бытовой сферы общения, разговорной речи (от сниженной до вульгарной), молодежного жаргона и др. Например: *бабец*, *ночная бабочка*, *банан* (заколка и неудовлетворительная оценка), *блин* (в зн. междометия), *клевши* (о руках), *прикид* (наряд), *пиявка* (шелчок или удар, причиняющий острую боль), *репа* (о глупой, плохо соображающей голове), *заколебать кого-л.*, *без балды*, *от балды* и др.). Таким образом Словарь, отражая общую тенденцию современного языка в сторону его демократизации, дает при этом соответствующие комментарии каждому стилистически окрашенному значению слова.

Наряду с разговорным пластом в Словарь включена и интеллектуальная, книжная лексика, вошедшая в обиход терминология, — словом, наиболее употребительная часть словарного состава русского языка, актуальная для языкового сознания нашего времени (например, *аскеза*, *иглоукалывание*, *аккупунктура*, *кокаинизм*, *кантри*, *конверсия*, *конвертируемый* и т.п.). Историзмы входят в Словарь на равных правах с актуальной лексикой, проясняя истоки русского менталитета и исторические веяния разных времен.

Цель Словаря — показать лексико-семантическую систему русского языка в ее живом функционировании. Поэтому одна из выигрышных сторон Словаря — ориентация на достаточно широкое описание сферы употребления слов и их значений, раскрытие синтагматических связей слов в их типовой сочетаемости. Однако Словарь опирает-

ся не только на модели словоупотребления, но и демонстрирует их лексическое наполнение. Например, в словарной статье **авторитет** значение ‘общепризнанное значение, влияние’ иллюстрируется следующими предложениями: *иметь авторитет. Пользоваться авторитетом. Завоевать, укрепить, потерять а. Большой, заслуженный, дутый, дешевый а. А. ученого, государства. Подрыв авторитета.* Значение слова **автомобиль** иллюстрируется: *Легковой а. (пассажирский автомобиль с небольшим числом мест). Грузовой а. Спортивный, гоночный а. Ездить на (в) автомобиле. Водить а. А. мчится, сигналит, сбил кого-л. Заправка автомобилей.*

Наряду с типовыми предложениями в Словаре представлены различные семантические смещения, приращения, свертывания и др. смысловые нюансы, характерные для разных функциональных стилей русского языка. Они подаются в Словаре за знаком вертикальной черты, например:

Метель... / *Трад.-поэт.* Черемуховая, тополиная метель.

Банка... / *Разг.* О литровой бутылке водки.

Барабан... / *Разг.* О большом выпирающем животе.

Отсутствие цитат не помешало Словарю приводить информацию о функционировании и нормах правилах употребления слова. Для этого предложения — словосочетания дополняются фразовыми иллюстрациями, нередко сопровождаемые семантическим комментарием коммуникативной речевой ситуации (*Башка ты, Михалыч* — о сообразительном, умном человеке). *Гляди, башку несусь!* (угроза). Вместе с тем в Словаре реализован золотой фонд крылатых фраз и афоризмов, которые приводятся за знаком *. В БТС вошли пословицы и поговорки, извлечения из Библии, цитаты из русских классиков и др. (см. *брызги, бедный, бечева, блеск, барин* и пр.).

Несмотря на однотомное оформление Словаря, информация о слове в нем носит не только универсальный, но и гораздо более емкий характер, чем во многих других изданиях. Она предполагает орфографический и орфоэпический комментарий, расширенную грамматическую квалификацию о слове, пометы, носящие функциональный характер, видовые соответствия глаголов, приводимые при каждом значении слова, морфолого-синтаксические ограничения и т. п., многоаспектную стилистическую характеристику, этимологическую справку и энциклопедический комментарий.

Этимологическая справка о слове — очень трудный раздел словарной статьи. Тому есть множество причин. Назовем только две из них: во-первых, у нас нет современного полного этимологического словаря, описывающего историю жизни слова в русском языке, и,

во-вторых, до сих пор не существует ясной методики составления подобных справок. В связи с этим возникает множество проблем, вызванных неопределенностью требований к глубине и полноте этимологических реконструкции в толковом словаре. От словаря к словарю эти требования устанавливаются каждый раз заново. В Предисловии к БТС указаны три типа этимологических справок. Иноязычное слово приводится без перевода, если значение при заимствовании не изменяется. В случае различия в значениях, указывается перевод с языка-источника. Язык-посредник указывается в тех случаях, когда это облегчает и обогащает толкование заимствованного слова. В целом, справка о значении слова в языке-источнике выделяет БТС из ряда существующих однотомников.

Ориентированный на самый широкий круг читателей, Словарь расширяет представление читателей о слове, и делает это за счет нетрадиционных зон словарной статьи: культурологической (куда входят энциклопедическая справка о той или иной реалии или ее названии; см. *Аврора, Баядерка, Александрит, Кожанка, Ангел, Башмаки, Коляда, Башня, Береза* и др.), зоны словообразовательных дериватов, в которой собраны производные слова, зоны лексикализованных форм и составных лексических единиц языка (составных наречий, вводных слов, союзов, предлогов и т.п.). Идентичные слову, они получают в Словаре и описание, соответствующее статусу самостоятельной лексической единицы. Таким образом, они пополняют словник Словаря, демонстрируя одновременно не только словообразовательные, но и семантико-синтаксические возможности русского словообразования. Это явная лексикографическая находка Словаря (ср. подобные словосочетания, описываемые в словарях в составе фразеологии или специальных заромбовых сочетаний). Речь идет о единицах типа: *в авангарде, в адрес кого-, чего-л., кольцами, авансом, караул* и др.

В стилистической концепции Словаря не заложены такие традиционные пометы, как: *обл., простореч.* и др. Вместо них в тексте Словаря использованы такие пометы, как «*нар.-поэт.*» «*нар.-разг.*», «*разг.-сниж.*», «*сниж.*», «*публиц.*», «*жарг.*», «*бранно*», «*вульг.*» и др.

О двусмысленности пометы «*прост.*» написано довольно много. Около двух веков существовала она в русской лексикографии, ветшая от словаря к словарю. БТС первым решился прервать практику ее применения. Анализ показывает, что массив лексики, обычно характеризовавшийся как просторечный, получил в словаре квалификации, разошедшиеся по двум основным стилистическим шкалам: центр-периферия (по временной оси: вередить *устар.*; по пространственной

оси: веред *нар.-разг.*) и высокое-низкое (верезг *разг.*, галдеть *разг.*, галиматъя *разг.*, дрызгать *разг-сниж.*, звездануть *разг-сниж.*)⁵.

Получила свое развитие система ремарок, задающих определенные хронологические, территориальные, социальные и профессиональные рамки употребления слова. Например: в Англии в XVI–XVII вв.; в Австрии, в Германии; в Византии в VIII–IX вв. и в Западной Европе в XVI в. в период Реформации; в Военно-морском флоте СССР в 1940–1971 гг.; в Древней Руси и Московском государстве; в Китае, Корее и некоторых других странах; в Крыму и на Кавказе; в России до 1845 г.; в античной и средневековой философии; в азартных играх; в арабской и персидской мифологии; в боксе, борьбе; в буддизме, индуизме и некоторых других восточных религиях; в виноделии; в гимнастике и акробатике; в детской речи; в речи музыкантов; в современной Украине; в средневековой Испании; в стоматологии; в театре, цирке, кино, на эстраде; во Франции и Англии в средние века; во время первой мировой войны; на Украине в период Гражданской войны 1918–1920 гг.; у горских народов Кавказа и казаков России и др.

Эти ремарки, дополняющие стилистические пометы, позволяют гибко маркировать сколь угодно маленькие лексические группы, не прибегая к введению новых помет. Например, ремарка «в детской речи» применяется вместо предлагаемой в других словарях пометы «*детское*».

Одним из самых оригинальных решений в области семантической характеристики лексики, принятых в БТС и сохраненном в СТС, является решение о полном отказе от пометы «*перен.*». Этой пометой в академических словарях принято отмечать только одну из разновидностей семантического переноса, которая охватывает случаи метафоризации значений. Для этого типа многозначности («живая метафора»⁶) характерно наличие двуплановой связи между исходным и производным значением. Другие типы семантического варьирования исходного значения слова (все виды импликации и метонимии, включая синекдоху), а также случаи генетической метафоры не рассматриваются академическими словарями как переносные и, следовательно, этой пометой не сопровождаются.

Краткими словарями, как правило, не учитываются случаи регулярной метонимии. Например, словарь Ожегова и СОШ не выделяют в слове *стакан* значения «содержимое сосуда; количество жидкости

⁵ Сравнение проведено по БТС с МАС (2-е изд.).

⁶ Ковтун Л. С. Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современность и словари. Л., 1978. С. 51.

или вещества, вмещающегося в него». Поэтому фразы типа: *Хозяин и его приближенные сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любуясь веселостью молодежи* (Пушкин, Дубровский). *За здоровье! Ура!.. — сказал он, выпил свой стакан и хлопнул его об землю* (Л. Н. Толстой, *Война и мир*) не получают лексикографического отражения. В академических словарях этот тип переносов учитывается (хотя и не во всех деталях).

Метафорические переносы регистрируются в словарных описаниях. При этом в словаре Ожегова пометой «перен.» отмечаются случаи генетической метафоры (живых метафор там нет и быть не может из-за краткости словаря), а в академических словарях живые метафоры приводятся наряду с генетическими без различия особенностей их образования (несмотря на все существующие теоретические доводы). Возьмем, например, слово *дуэль*. Все словари (кроме БТС и СТС) сопровождают производное значение этого слова пометой «перен.». Ср.: *Дуэль... 2. перен.* Борьба, состязание двух сторон. *Шахматная дуэль.*⁷ *Дуэль... 2. перен.* Состязание, борьба двух противников или двух сторон.⁸

Здесь, видимо, неуместно оспаривать научно-теоретическое содержание этой пометы («не угасшая образность, ощущаемая говорящими»)⁹. Можно лишь отметить, что объективных критериев различения генетических и живых метафор не существует. Дело это субъективное, основанное на интуитивном восприятии лексикографами каждого данного значения. При этом практика применения пометы «перен.» свидетельствует, что она характеризует не дефиницию, а только тип связи исходного и производного значений, т.е. в структуре многозначного слова эта помета играет роль маркера, именующего лишь один тип семантической производности. В БТС и СТС (вслед за БАС и МАС) представлены без указания на переносность различные семантические смещения, приращения и другие смысловые вариации, возникающие внутри одного лексического значения. Они подаются за знаком вертикальной черты, например: **Варево...** / О том, что приготавливается посредством варки. **Лечебное в. Дёргаться...** / Разг. Резко, отрывисто двигаться, исполняя современные ритмические танцы. *Заиграла музыка, все стали д. Молодёжь не танцует, а дёргается.*

⁷ Словарь Ожегова-Шведовой. С. 184.

⁸ БАС, 2-е изд. Т. IV. С. 549.

⁹ Например, в английском языке второе значение слова *a duel* (*дуэль*) имеет то же значение, что и в русском (ср.: *a contest or conflict between two persons or parties*). Как же быть в таком случае с представлениями о живой образности, уникальной по определению?

Если словарная статья небольшая, то указание на особый тип семантической деривации одного из значений можно рассматривать как отрывочную непоследовательную информацию о тропеизме слова. Но если словарная статья большая, то несколько помет «перен.», поставленных при значениях и оттенках, способны сбить с толку и специалиста (производной от какого значения является данная филиация). Трудным является также и ответ на вопрос: является ли эта информация необходимой читателю? Например, **Гаситель...** 1. Название различных приспособлений для гашения света, огня и т.п. 2. *перен. Книжн. устар.* Тот, кто не дает развиваться чему-л. передовому, новому. **Дряблый...** 1. Лишенный свежести, упругости. 2. *перен.* Лишенный энергии, способности к действию; безвольный, бесхарактерный. **Звездистый...** 1. Усеянный яркими звездами. 2. *перен.* Искрящийся, сверкающий.¹⁰

Если исходить из того факта, что знание о характере производности значения оказывается бесполезным как на этапе анализа текста, так и на этапе его синтеза, то информация о том, что исходное и метафорическое значение связаны друг с другом метафорической связью, также не является нужной. Если мы понимаем, что в дискурсе эта помета оказывается бесполезной, то зачем ее сохранять в словарных статьях? Исходя из этих соображений, думается, что помета «перен.» обладает такой же фиктивной ценностью, как и помета «одуш.», которая активно используется в последнее время в некоторых толковых словарях без указания форм словоизменения.¹¹

Безусловно, хотелось бы расширить роль энциклопедической информации в Словаре, охватив ею более широкий круг слов (*баня, костер, кошка, огонь* и др., где она отсутствует). Не все слова, нуждающиеся в пометах, имеют ее (см. переносные употребления слов *клоун, репа* и др.). В ряде случаев нарушена структура словарной статьи (в слове *исход* устарелое значение, может быть передвинуто на периферию словарной статьи, как того требует Инструкция по составлению Словаря).

¹⁰ Примеры взяты из МАС (2-е изд.).

¹¹ Эта помета пришла из компьютерной лексикографии, где, как считается, с ее помощью решают некоторые проблемы формального анализа текста. Объяснить же ее использование в «человекочитаемых» словарях можно только недоразумением или авторским снобизмом. Ведь человек, в отличие от машины, способен, используя толкование, различать слова по признаку одушевленности/неодушевленности. В самом деле, зачем ставить дополнительную помету «одуш.» после заголовочного слова (например, автор, диссидент, шофёр, дельфин, зебра и т. п.), если она дублирует часть дефиниции, а словоизменительные особенности этой категории указаны в учебниках?

Однако высказанные замечания не умаляют достоинств рассматриваемого словаря как надежного справочного издания. Дело в том, что вскоре после выхода в свет первого издания БТС, в научных изданиях, в Интернет-публикациях и даже СМИ были опубликованы отзывы и рецензии на словарь. Одна из обстоятельных и глубоких рецензий была опубликована профессором В. Д. Девкиным в журнале «Вопросы языкознания»¹². Были и другие положительные отзывы, в частности от русистов из Германии, Израиля, Польши, США, Финляндии, Южной Кореи. Часть замечаний, высказанных специалистами, была учтена в изданиях БТС, начиная с 2000 г. На протяжении нескольких лет шло конструктивное обсуждение достоинств и недостатков словаря. Результаты этого коллективного анализа текста БТС соответствуют нашему заключению: **«Большой толковый словарь русского языка» соответствует требованиям, которые предъявляются к грамматикам, справочникам и словарям, содержащим нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации.**

¹² См.: Вопросы языкознания. 1999. № 6. Стр. 125–131.